УДК 347.99

Акопов Л.В.

К ПРОБЛЕМЕ УТОЧНЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ФЕДЕРАЛЬНАЯ СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ»

В настоящей статье проанализированы существующие в научной литературе правовые определения «федеральной судебной власти», выявлены определенные недостатки и пробелы юридической терминологии, предложена авторская дефиниция указанного института.

In the current article the author analyses legal definitions of "Federal judicial authority" existed in the scientific literature. The author reveals drawbacks and gaps in the technical terms of law. There is the author's definition of the mentioned institute.

Ключевые слова: *федеральная судебная власть, судебное право, правовое государство, разделение властей, судопроизводство.*

Key words: *Federal judicial authority, judicial law, jural state, separation of powers, legal procedure.*

В качестве собственных исходных позиций при определении места и роли исследования федеральной судебной власти в юридической науке обозначим следующие.

Во-первых, принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную не следует понимать утрированно, поскольку федеральная государственная власть в своей конституционной основе едина по источнику ее происхождения и носителю суверенитета (статья 3(1) Конституции Российской Федерации). Как верно отмечено В.М. Лебедевым, именно народ имеет неотчуждаемое право определять и изменять формы и содержание своей государственно-правовой жизни, а «суверенитет народа напоминает всем властям о том, от кого они получают власть, а следовательно, во имя кого эту власть обязаны использовать» [1, с. 29].

Как пишет Б.С. Эбзеев, «государственная власть едина, но функции ее – законодательство, управление и правосудие осуществляются различными органами» [2, с. 99]. Правильное понимание и в особенности верное осуществление конституционного принципа разделения властей способствует более полной и рациональной реализации народного суверенитета, в результате чего совокупная (общая) воля суверенного народа не только не расщепляется, но и соответствующим образом консолидируется и организационно оформляется для ее наиболее адекватного воплощения в процессе государственной власти [3, с. 43].

Во-вторых, судебная власть представляет собой самостоятельную ветвь (вид) государственной власти, проявляющуюся в форме функционирования судебной системы в государстве путем отправления правосудия в соответствии с закрепленными за ней в конституции и других нормативно-правовых актах полномочиями, из чего следует, что данный вид государственно-властной деятельности нацелен на рассмотрение и разрешение социальных конфликтов (споров), связанных с действительным либо предполагаемым нарушением норм права, и реализуется исключительно судом [4, с. 361–362].

В-третьих, федеральная судебная власть находится в определенной связи и взаимодействии с другими ветвями власти (законодательной, президентской, исполнительной), что обусловливает единство и системность функционирования всего государственного механизма. Как справедливо указывает В.С. Нерсесянц, необходимо «создать и утвердить сильную правозащитную судебную власть и добиться такого реального баланса трех самостоятельных ветвей власти», который необходим и достаточен для нормального функционирования демократии как механизма управления [5, с. 38].

В-четвертых, на наш взгляд, необходимо в общей системе федерального права выделить такую важнейшую его подотрасль, как судебное право, наряду с указным правом, парламентским, правительственным и контрольным правом [6, с. 261]. В этом контексте считаем вполне верным и вывод Ю.А. Ти-

хомирова, а именно: «Предстоит вновь продумать возможности выделения судебного права, которое охватит судоустройство и все виды судопроизводства: уголовное, административное, гражданское, конституционное. Устройство судебной системы с ее ветвями и соответствующими им видами процесса вполне заслуживает такого признания в публичном праве. А специальные труды в данной сфере о специфике правосудия и процессуальных отраслей дают убедительные аргументы в пользу такого решения» [7, с. 39–40].

При этом мы не разделяем мнения тех авторов, которые предлагают определение судебного права в качестве отрасли, предметом которой должны выступать отношения, связанные с судебным прецедентным регулированием, а содержанием – совокупность многообразных судебных актов-прецедентов [8].

В-пятых, следует подчеркнуть, что из всех ветвей власти только судебная формируется исключительно на профессиональной основе, а специфика комплекса сдержек и противовесов в отношении данной ветви власти выражается в том, что ее самостоятельность гарантируется механизмом самоуправления судебной власти (прежде всего через органы судейского сообщества), а также конституционным закреплением социально-экономических гарантий независимости правосудия. «Таким образом, – пишет Э. Курис, – обеспечивается полноценность судебной власти, означающая, что известное понимание судебной власти как «третьей власти» не имеет под собой никакого конституционного основания, так как по Конституции все три ветви власти равны. Разделение властей предполагает их равновесие, а равновесие, разумеется, невозможно между властями, которые имеют различный вес» [9, с. 75]. Этот тезис, по нашему мнению, вполне применим и в российской правовой теории и практике.

Следовательно, мы рассматриваем федеральную судебную власть как одну из ключевых ветвей в общей системе разделения ветвей государственной власти, а также в числе ведущих подотраслей российской правовой системы. Здесь уместно привести формулу В.С. Шевцова о том, что «судебная власть – одна из основных отраслей государственной власти, осуществляемая самостоятельно и независимо от других форм и отраслей государственной власти посредством специальных органов этой власти - судов, которые обладают правом исключительной монополии на эту власть» [10, с. 55]. Правда, полагаем не очень удачным в приведенном определении использование слова «отрасль» вместо уже устоявшегося термина «ветвь» по отношению к государственной власти. В связи с необходимостью внесения большей ясности в научный категориальный аппарат остановимся подробнее на различных вариантах определения дефиниции «судебная власть», встречающихся в литературе. Обратимся прежде всего к юридическим справочникам по конституционному праву. Так, в справочнике под редакцией В.И. Лафитского (автор-составитель В.Н. Додонов) приводится следующее достаточно обширное (в расчете на комплексный подход) определение: «Судебная власть в соответствии с теорией разделения властей - самостоятельная и независимая сфера публичной власти (наряду с законодательной и исполнительной). Представляет собой совокупность полномочий по осуществлению правосудия, т.е. полномочий по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских, административных и конституционных дел (споров) в порядке, установленном процессуальным законом, а иногда также полномочий по обязательному толкованию норм права..., нормотворческих полномочий..., контрольных полномочий... и некоторых других второстепенных полномочий, а также систему государственных органов, осуществляющих вышеперечисленные полномочия...» [11, с. 157]. Данное определение нам представляется одним из наиболее удачных, тем паче, что иные авторы зачастую дают весьма обтекаемые и туманные формулировки. Так, авторы Энциклопедического словаря, посвященного Конституции Российской Федерации, говоря о судебной власти, делают отсылку к общим понятиям государственной власти и ее видам, раскрывая словосочетания «судебная власть» через решаемые этой властью основные задачи [12, с. 47, 281].

Интересное, хотя и весьма пространное определение судебной власти дано И.Л. Петрухиным: «Судебная власть – это самостоятельная и независимая ветвь государственной власти, созданная для разрешения на основе закона социальных конфликтов между государством и гражданами, юридическими лицами; контроля за конституционностью законов; защиты прав граждан в их взаимоотношениях с органами исполнительной власти и должностными лицами; контроля за соблюдением прав граждан при расследовании преступлений и прове-

дения оперативно-розыскной деятельности (ОРД); установления наиболее значимых юридических фактов» [13, с. 15].

Ставя задачу выработки наиболее оптимального и адекватного предмету государствоведческой науки определения федеральной судебной власти, нельзя обойти вниманием принципиальные выводы, сформулированные М.В. Баглаем: «Все конституции мира содержат разделы (главы) о судебной власти. Признание этой ветви власти самостоятельным предметом конституционного регулирования объясняется тем, что судебная власть является составной частью государственной власти. К тому же эта власть - власть, а не ординарная деятельность судебных органов - непосредственно воздействует на права и свободы человека, что требует конституционного установления ее пределов и принципов. Конституции обычно закрепляют гарантии прав граждан в их отношениях с судебной властью, организацию судебной системы и статус судей. Смысл возведения этих вопросов на уровень конституционного регулирования состоит в необходимости исключить возможность судебного произвола по отношению к гражданам, закрепить гарантии правосудия, создать иерархическую структуру, способную обеспечить возможность обжалования судебных решений и приговоров, а также – гарантировать независимость и высокий статус деятелей юстиции. В Конституции РФ термин «судебная власть» раскрывается через ряд положений, охватывающих организацию судебной системы и принципы деятельности судов. Наряду с этим термином употреблен термин «правосудие», которым обозначается содержание судебной деятельности, если она соответствует всем требованиям закона. Но следует иметь в виду, что в литературе оба термина нередко употребляются как идентичные» [14, с. 615–616].

Претендуя на комплексное определение понятия «судебная власть», М.П. Авдеенкова и Ю.А. Дмитриев предложили крайне противоречивую и не очень логичную по внутреннему содержанию конструкцию, как-то: «Можно определить содержание судебной власти как самостоятельного публично-правового образования, представляющего собой систему специальных государственных и муниципальных органов, обладающих предусмотренными законом властными полномочиями, направленными на установление истины, восстановление справедливости, разрешение споров и наказание виновных, решения которых обязательны к исполнению всеми лицами, которых они и касаются» [15, с. 528].

Обращают на себя внимание по меньшей мере два вопроса: во-первых, какие муниципальные органы подразумевают авторы, если судебная власть является прерогативой исключительно органов государственной власти в соответствии с конституционной парадигмой; во-вторых, данное определение не содержит указания именно на специфическую особенность и важнейший признак судебной власти, каковым является отправление правосудия в установленном законом процессуальном порядке, что на деле ведет к возможности применения предложенной М.П. Авдеенковой и Ю.А. Дмитриевым формулы к любой квазисудебной деятельности и органам (например, к третейским судам и т.п.). Налицо предельно расширительная трактовка судебной власти и выведение ее на уровень общесоциологического понимания, что не может быть приемлемо в контексте юридико-правового подхода.

Примечательно, что схожее определение судебной власти Ю.А. Дмитриевым давалось (в соавт. с Г.Г. Черемных) еще в 1997 г., когда он постулировал судебную власть как «систему государственных и муниципальных органов, обладающих предусмотренными законом властными полномочиями, «направленными на установление истины, восстановление справедливости и наказание виновных. Решения этих органов обязательны к исполнению всеми лицами, которых они касаются» [16, с. 48]. Кстати, вряд ли можно квалифицировать как похвальную такого рода «консервацию» допущенной погрешности.

Здесь уместно подчеркнуть, что в соответствии с Федеральным конституционным законом от 7 февраля 2011 г. № 1–ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» к федеральным судам общей юрисдикции относятся: Верховный Суд Российской Федерации; верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области, суды автономных округов; районные суды, городские суды, межрайонные суды; военные суды; специализированные суды. Что касается судов общей юрисдикции субъектов Российской Федерации, то к ним относятся мировые судьи, которых никак нельзя отнести к муниципальным органам власти.

На наш взгляд, более удачна предложенная В.А. Лазаревой дефиниция, согласно которой «судебная

власть может быть определена как принадлежащее судам РФ исключительное властное полномочие разрешать возникающие в обществе конфликты правового характера путем осуществления в особой процессуальной форме правосудия и принятия обязательных для исполнения решений» [17, с. 27; 18, с. 21–22]. Вместе с тем для целей конституционно-правового измерения судебной власти необходимо вышеуказанное определение дополнить особенностями «политико-правовой доктрины, вытекающей из концепции разделения властей в правовом государстве и устанавливающей место органов правосудия в системе государственного механизма» [19, с. 589]. Как точно указывает Ю.К. Краснов, «закрепление в конституционных нормах и федеральном законодательстве судебной власти как государственно-правового института позволяет выделить его специфические признаки, отметить необходимость утверждения системы гарантий, позволяющих судебной власти осуществлять свои функции и решать поставленные перед ней законом государственные задачи» [19, с. 590]. К этой точке зрения очень близка и позиция В.П. Кашепова, когда он пишет: «Признание и закрепление в Конституции РФ политико-правовой концепции судебной власти определяет развитие и дальнейшее совершенствование всего российского законодательства о судоустройстве. Закрепление в конституционно-правовой лексике терминологического словосочетания «судебная власть» означает законодательное признание самостоятельного и независимого статуса судебной деятельности в механизме реализации государственной власти в Российской Федерации в целом» [20, с. 823]. Этот же автор удачно подытоживает, что «судебная власть как политико-правовой феномен означает способность и возможность волевого воздействия на поведение людей со стороны государства, осуществляемого через специально созданные государственные структуры – суды, и посредством деятельности судей в особых установленных законом процедурных формах» [20, с. 824]. Для более полного определения сферы судебного воздействия целесообразно заменить слово «людей» словами «физических и юридических лиц».

Резюмируя вышеизложенное и принимая за основу логику критического осмысления проанализированных ранее определений, возможно предложить следующую дефиницию правового характера: «Федеральная судебная власть есть основанная на конституционном принципе разделения властей относительно самостоятельная и независимая ветвь единой государственной власти Российской Федерации, представляющая собой совокупность полномочий по отправлению правосудия и осуществлению судопроизводства (конституционного, гражданского, административного и уголовного), иных форм судебной деятельности, а также систему и устройство судебных органов, исключительным образом реализующих указанные полномочия в установленном законом процессуальном порядке».

Полагаем, что данная формула соединяет в себе наиболее существенные и удачные элементы определений, предложенных разными отечественными учеными. Она вполне отражает квинтэссенцию правовой доктрины судебной власти на общефедеральном уровне.

Литература

1. *Лебедев В.М.* Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001.

2. *Эбзеев Б.С.* Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997.

3. *Ржевский В.А., Чепурнова Н.М.* Судебная власть в Российской Федерации: Конституционные основы организации и деятельности. М., 1998.

4. *Соколов А.М.* Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград, 2002.

5. Правовое государство, личность, законность. М., 1997.

6. *Акопов Л.В.* Контроль в управлении государством: теоретические и конституционно-правовые основы. Ростов-на-Дону. 2002.

7. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право. М., 1995.

8. *Абросимова Е.Б., Анишина В.И., Гаджиев Г.А., Ермошин Г.Т., Сафонов В.Е.* Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред. В.В. Ершова. М., 2006.

9. *Курис Э.* Доктрина разделения властей в практике Конституционного суда Литвы // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение, 2004. №2.

10. *Шевцов В.С.* Право и судебная власть в Российской Федерации. М., 2003.

11. Конституционное (государственное) право: справочник / Под ред. *В.И. Лафитского*. М., 1995.

12. Конституция Российской Федерации: Энциклопедический словарь / *В.А. Туманов, В.Е. Чиркин, Ю.А. Юдин* и др. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.

13. *Петрухин И.Л.* Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. 2000. № 7.

14. *Баглай М.В*. Конституционное право Российской Федерации. М., 1997.

15. *Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А*. Конституционное право Российской Федерации: Курс лекций. 2-е изд-во, перераб. и доп. М., 2004.

16. *Дмитриев Ю.А.. Черемных Г.Г*. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8.

17. *Лазарева В.А*. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики. Дисс... докт. юрид. наук. М., 1999.

18. Судебная власть / Под ред. *И.Л. Петрухина*. М., 2003.

19. *Краснов Ю.К*. Государственное право России. История и современность, М., 2002.

20. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2002.